

5. РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ НАТУРАЛЬНОГО ОБЛОЖЕНИЯ. 1932 – 1939 гг.

Формы и методы натурального обложения полеводства.

В начале 1933 г. советское руководство упразднило громоздкую контрактационную систему заготовок хлеба, подсолнечника и картофеля и ввело вместо нее «*имеющие силу налога твердые обязательства*» по поставкам (сдаче) данных продуктов государству. В соответствии с принятыми в 1933 – 1934 гг. законодательными актами¹ размеры **обязательных поставок** исчислялись по единому для всего района и неизменным в течение года нормам сдачи с каждого гектара запланированного посева. Возможный недосев в расчет не брался. Размеры нормативной сдачи хлеба устанавливались как для всех зерновых в целом, так и отдельно для пшеницы, ржи, бобовых, гречихи и проса². Порайонные нормы утверждались край- и обласполкомами, которые, в свою очередь, руководствовались региональными нормами, определенными органами верховной власти страны.

Для колхозов, не обслуживаемых МТС, вводились более высокие размеры поставок. Нормативы сдачи для «*трудовых*» единоличных хозяйств должны были превышать колхозные, а дворы, отнесенные к категории «*кулацко-зажиточных*», обязывались сдавать продукции в полтора раза больше, чем «*трудовые*». Для колхозных дворов предусматривались особые нормативы поставок картофеля, большие, чем для колхозов, но меньшие, чем для единоличников. Колхозники, посеявшие зерновые на приусадебных участках, облагались по нормам, установленным для единоличных хозяйств³.

К поставкам не привлекались единоличные дворы, не имеющие земельных участков, включая приусадебные. Освобождались от обложения также приусадебные посевы проживающих в сельской местности рабочих и служащих, пенсионеров и инвалидов гражданской войны вне зависимости от принадлежности к той или иной категории населения. С 1937 г. от обязательств по сдаче сельхозпродуктов государству были освобождены хозяйства колхозников и единоличников, нетрудоспособных ввиду преклонного возраста (для мужчин этот возраст составлял 60 лет и более, для женщин – 55 лет и более), в составе которых отсутствовали другие трудоспособные члены⁴.

Привлекаемые к поставкам хозяйства обязывались самостоятельно доставить продукцию на заготовительные пункты, находящиеся на железнодорожных станциях и речных пристанях, и, «в виде исключения»,

на глубинные приемные пункты. В последнем случае предусматривалась скидка с заготовительной цены, а у сдатчиков «отбирались» обязательства после окончания уборочных работ вывезти продукцию «собственным тяглом» с глубинных на стационарные пункты. После чего им возвращались удержанные деньги.

Регламентировалось качество поставляемых государству сельхозпродуктов. Продукция, незначительно превышающая базисные стандарты, принималась со скидкой веса или приемной цены, а существенно превышающая – не принималась вообще. В то же время никаких надбавок за более высокое качество не предусматривалось. При сдаче зерновых допускалась замена ряда культур другими. Вообще не разрешалась замена пшеницы и сдача вместо ржи фуражных и крупяных культур.

Поставки сельхозпродуктов провозглашались *«первоочередной обязанностью»* («первой заповедью»⁵) всех категорий сдатчиков, к которым они должны были приступить сразу же после начала обмолота зерновых и подсолнечника и уборки картофеля и осуществлять в строгом соответствии с установленными для каждого региона календарными сроками. Для единоличников вводились более сжатые сроки завершения сдачи⁶. Несвоевременное выполнение заготовительного задания наказывалось в административном порядке досрочным взысканием *«в беспорядном порядке»* оставшегося объема поставок и денежным штрафом: для колхозов – в размере рыночной стоимости недоимки, для единоличных хозяйств – до пятикратной рыночной стоимости. В случае повторного невыполнения обязательств, а также *«зlostного»* или *«группового»* его характера единоличники привлекались к судебной ответственности по ст. 61 УК РСФСР. Колхозам до завершения поставок позволялось использовать на внутрихозяйственные нужды, включая натуральное авансирование колхозников, 10% намолоченного зерна. *«Для хороших колхозов, добросовестно работающих и получивших хороший урожай»*, этот процент мог повышаться до 15%⁷.

Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о введении обязательных поставок запрещали местным органам власти и заготовителям *«допускать встречные планы»* и налагать на сдатчиков дополнительные заготовительные задания. Все *«излишки»* хлеба, подсолнечника и картофеля после завершения поставок должны были оставаться в *«полном распоряжении»* колхозов, колхозников и единоличных хозяйств.

Функции налогового аппарата в системе госпоставок выполнял Комитет по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК СССР и его региональные и районные органы⁸. Задачи по непосредственному

определению размеров обязательств коллективных и индивидуальных хозяйств по сдаче продукции, учету их выполнения, взысканию через сельские советы штрафов, сельхозпродуктов и имущества в счет погашения недоимок, а также представлению в судебные органы материалов о «злостной» или «групповой» неуплате натуральных податей возлагались на районных уполномоченных Комзага и их аппарат. «Заготовзерно» и другие заготовители занимались приемкой продукции, определением ее качества и расчетами со сдатчиками.

Наряду с обязательными поставками вышеуказанных продуктов, сохранялась **контракция** сахарной свеклы, льна, конопли, табака, махорки, масличных культур, овощей и сена⁹. Объемы сдачи масличных, табака и махорки исчислялись по установленным в начале сельскохозяйственного года «твердым» погектарным нормам. Планы заготовок остальных контрактируемых культур определялись, исходя из посевных планов (для сена – планов освоения сенокосных угодий) и заданий по урожайности (товарному выходу). Контракция сена оставалась безавансовой. Хозяйствам, контрактируемым по другим продуктам, выдавались денежные авансы, продукты переработки (растительное масло, сахар, жмыхи и др.), по государственным ценам продавались хлебопродукты и дополнительное количество промтоваров. Однако в конце 1934 г. в связи с отменой карточной системы на хлебопродукты было прекращено отоваривание контрактантов хлебом¹⁰. С этого времени государство перестало брать на себя и обязательства по их дополнительному снабжению промтоварами. Свекла, табак, махорка, масличные, лен и конопля, сданные сверх установленного плана, оплачивались по более высоким заготовительным ценам (т.н. премии-надбавки).

Выполнение заготовительных заданий по контрактиции, как и по поставкам, провозглашалось *«первоочередной обязанностью»* колхозов, колхозников и единоличников и должно было осуществляться в законодательно установленные календарные сроки. В 1933 г. СТО обязал местные органы власти *«к недобросовестным контрактантам применять жесткие меры взыскания, ... не останавливаясь перед жесткими репрессиями в отношении злостно срывающих выполнение своих обязательств, принятых по контрактиционным договорам»*¹¹. В 1935 г. ЦИК и СНК СССР специальным постановлением придали контрактиционным договорам *«силу закона, обязательного к полному и безусловному исполнению»*¹². Несвоевременное выполнение предусмотренных договором обязательств по сдаче продукции колхозами наказывалось взысканием *«в беспорядном порядке»* недоимки и остав-

шейся части годового заготовительного задания. Кроме того, председатели и члены правлений колхозов-недоимщиков *«как должностные лица, проявившие небрежное и недобросовестное отношение к служебным обязанностям»*, подлежали привлечению к уголовной ответственности по ст. 111 и 112 УК РСФСР¹³. Нарушающим договор единоличникам грозило «беспорное» взыскание, уплата неустойки и привлечение к суду по ст. 61 УК РСФСР.

В рамках реформированной в 1933 г. системы заготовок сельскохозяйственной продукции продолжал существовать рудимент «урало-сибирского» метода. Законодательные акты, регулирующие контрактацию, обязывали местные органы власти устанавливать **«твердые» задания по сдаче контрактируемых продуктов для «кулацко-зажиточных»** единоличных хозяйств.

Произведенная в 1933 г. замена контрактации основных продуктов сибирского полеводства их обязательными поставками не затронула базовых принципов заготовительной политики сталинского режима. Сохранялись существующие до этого символические заготовительные цены на сдаваемую государству продукцию. Нормы сдачи были очень высокими. Рассчитанные на их основе заготовительные задания не изменялись даже тогда, когда они в условиях катастрофически низкого урожая превышали валовой сбор. Тем не менее, и в этом случае колхозы обязывались сдать практически всю произведенную ими продукцию, за исключением выданной в качестве натуральных авансов колхозникам. Недовыполненная часть задания переходила в недоимку и должна была погашаться в последующие годы. А зерно и другие сельхозпродукты на семена и продовольствие отпускалось колхозам в виде подлежащих возврату с процентной надбавкой натуральных ссуд. При этом продовольственные ссуды, как правило, предоставлялись в размерах, не обеспечивающих даже минимальных потребностей колхозников в продуктах питания.

Официально провозглашенный запрет местным властям и заготовительным органам налагать на сдатчиков сельхозпродуктов дополнительные заготовительные задания остановил вакханалию «встречных» планов и внес в систему натурального обложения определенную упорядоченность. Однако государство само фактически нарушало введенный запрет, возлагая на налогоплательщиков еще ряд натуральных платежей, помимо поставок и контрактации. В 1933 – 1934 гг. законодательство предусматривало взимание с плательщиков хлебного налога **двухпроцентной надбавки** к установленным нормам сдачи. Хлеб, собранный в счет данной надбавки, оставался в распоряжении райиспол-

комов и предназначался для снабжения «*по твердым государственным ценам сельских учителей, агрономов и медработников*»¹⁴.

Колхозные мельницы и маслобойки по-прежнему облагались **гарнцевым сбором**¹⁵, а в круг обязанностей местных властей включалась борьба с «тайным помолом», в т.ч. осуществляемым в домашних условиях. В случае нехватки семян в колхозах власти могли обязать более благополучные хозяйства предоставить им «в порядке социалистической помощи» **натуральный заем**. Так, например, 3 марта 1935 г. оргбюро ЦК ВКП(б) по Омской области приняло решение до 20 марта собрать с колхозов, имеющих «излишки», 45 000 ц зерна и передать их хозяйствам, не сумевшим засыпать семенные фонды в качестве займа, подлежащего возврату из урожая текущего года. При этом для заимствования использовались страховые семенные фонды¹⁶.

Характер натуральной подати имел и т.н. **хлебозакуп**, ведение которого от имени государства в августе с 1933 г. было возложено на потребительскую кооперацию¹⁷. Закупать зерно ей дозволялось в колхозах и сельсоветах, выполнивших государственный план хлебозаготовок и закончивших засыпку семенных фондов. Закупочные цены потребкооперации на 20–25% превышали цены, по которым оплачивались хлебопоставки. В районы хлебозакупа в первую очередь и сверх установленных нормативов поставлялись потребительские товары. Законодательство, регулирующее закупки, «*безусловно*» запрещало навязывать крестьянам «*какие-либо обязательные задания, разверстку или планы продажи хлеба*». Решение о его продаже должно было приниматься на собраниях колхозников или единоличников, без «*какого бы то ни было административного принуждения*»¹⁸. Однако в реальной жизни данный запрет не действовал. План хлебозакупа принимался в Центре, а затем разверстывался по регионам и далее – по районам, сельсоветам, колхозам. Отказ же от принятия разверстанного на село или колхоз плана расценивался как действие врагов советской власти и колхозного строя. Так, например, осенью 1935 г. члены колхоза «Имени 7-го Съезда Советов» (с. Мошково одноименного района Западно-Сибирского края) трижды отклоняли предлагаемый им районными властями план продажи зерна в счет хлебозакупа. После этого четырех колхозников, наиболее активно выступавших против закупа, арестовали и на выездной сессии краевого суда приговорили по ст. 58-10 УК к различным срокам заключения в концлагерях. Состоявшееся после вынесения приговора колхозное собрание приняло покаянное постановление и решило продать потребкооперации зерна больше, чем это предполагалось первоначально¹⁹.

Следует также иметь в виду, что закупочные цены на порядок уступали ценам, предлагаемым за хлебопродукты на рынке. Основной задачей хлебозакупа являлось изъятие «излишков» зерна, которые появлялись в деревне в более урожайные годы. Так, в Омской области в 1934/35 г. поступление хлеба от колхозно-крестьянского сектора сельской экономики за счет его закупок потребкооперацией увеличилось почти на треть, а в неурожайном 1937/38 г. – только на 6%²⁰. При этом основными плательщиками данной подати являлись колхозники. Доля единоличников в продаже хлеба, как и в хлебозаготовках в целом, была незначительной. Что же касается колхозов, то даже если договор о закупках заключался непосредственно с ними, на продажу шло зерно, предназначенное для выдачи на трудодни. СНК СССР и ЦК ВКП(б) своим специальным постановлением от 8 августа 1933 г. запретили колхозам создавать какие-либо натуральные фонды помимо семенного, страхового семенного (размеры которого должны были в зависимости от урожая составлять от 10 до 15% годовой потребности в семенах) и фуражного. Весь хлеб, оставшийся после выполнения обязательств по поставкам и натуроплате, погашения недоимок, возврата семенных и продовольственных ссуд, а также засыпки указанных фондов, надлежало *«распределить полностью между колхозниками по трудодням»*²¹. Таким образом, хлебозакуп фактически являлся прогрессивным (возраставшим в годы высоких урожаев и соответственно увеличивавшимся выдач на трудодень) натуральным налогом на доходы, получаемые колхозниками за работу в «общественном» хозяйстве.

Значительное количество продуктов растениеводства, и прежде всего зерна, помимо обязательных поставок у колхозов изымалось в качестве **натуроплаты за работы МТС**. В 1933 г. была отменена существовавшая до этого смешанная денежно-натуральная система расчетов колхозов с машинно-тракторными станциями по неизменным («твердым») расценкам. Вместо этого оплата работ, произведенных МТС, должна была производиться только натурой, а ее объем – составлять установленную долю от полученного колхозом урожая. Полный цикл сельхозработ стоил 20% валового сбора зерна, подсолнечника и льна, 17% – валового сбора сахарной свеклы, 16% – сбора картофеля. Отдельные виды работ оплачивались установленной долей урожая²².

С 1934 г. схема расчетов с МТС вновь изменилась. Вводились зависящие от уровня урожайности плавающие расценки полного цикла и отдельных видов работ. По уровню урожайности зерновых и подсолнечника колхозы делились на 7 разрядов, картофеля – на 6, сахарной свеклы – на 4, льна – на 3 разряда. Хозяйство, отнесенное в более вы-

сокий разряд, платило МТС больше²³. По зерновым культурам, наряду с установленными расценками оплаты за весновспашку, взмет зяби, обработку паров, боронование и сев, предусматривалось также процентное отчисление от общего объема намолота молотилками и комбайнами МТС²⁴. Урожайность и предполагаемый сбор продукции, необходимые для исчисления объемов натуроплаты, устанавливались по т.н. нормально-хозяйственному принципу, в соответствии с которым из определенной на поле «биологической» урожайности вычитались минимально допустимые властями *«технически неизбежные потери»*²⁵.

ЦК ВКП(б) и СНК СССР своим постановлением от 25 июня 1933 г. придали натуроплате *«твердую силу закона, обязательного к точному и безусловному исполнению»*²⁶. Сельхозпродукты в счет оплаты работ МТС должны были поступать в установленные сроки²⁷. Просроченная натуроплата взыскивалась *«в бесспорном порядке»*, а на колхозы-недоимщики накладывался денежный штраф в размере стоимости несданной продукции. Объемы деятельности МТС постоянно увеличивались, а оплата их работы ложилась на плечи колхозов все более тяжелым бременем. В 1933 г. колхозы Западно-Сибирского края сдали зерна в счет натуроплаты в 2,1 раза больше, чем в предыдущем, а в 1934 г. – в 1,8 раза больше, чем в 1933 г.²⁸ Попытки же колхозов отказаться от дорогих и часто некачественных услуг МТС и проводить сельскохозяйственные работы исключительно своими силами квалифицировались как *«оппортунистическое игнорирование новейшей техники»*, *«саботаж комбайнизации»* и т.п. и жестко пресекались.

Власти нередко игнорировали законодательно установленные календарные сроки сдачи сельхозпродуктов государству. Так, в начале июля 1934 г. в связи с недородом на Украине ЦК ВКП(б) и СНК СССР предложили руководителям Западно-Сибирского края и Обь-Иртышской области добиться существенного перевыполнения рассчитанных на основе действующих норм и сроков сдачи зерна заготовительных планов на III квартал²⁹. В середине октября того же года в Западную Сибирь в ранге уполномоченного ЦК ВКП(б) и СНК СССР по хлебозаготовкам прибыл Л.М. Каганович, который потребовал безусловного выполнения годового плана сдачи зерна к 1 ноября, т.е. на два месяца раньше законодательно установленного срока³⁰. Исходя из требований Центра, для колхозов устанавливались повышенные месячные, а на их основе пятидневные заготовительные задания по хлебопашке, невыполнение которых рассматривалось как *«саботаж»* хлебозаготовок со всеми вытекающими отсюда последствиями. 10 сентября 1934 г. бюро Западно-Сибирского крайкома приняло постановление, в

соответствии с которым колхозы, не выполняющие установленных для них пятидневных заданий по хлебосдаче, должны были лишаться права использовать десять процентов намолоченного зерна для авансирования колхозников, а председатели таких колхозов – привлекаться уголовной ответственности «за саботаж»³¹.

Отчуждение сельхозпродуктов у колхозов в счет обязательных поставок и других видов натуральных податей обеспечивалось традиционными для сталинского режима методами внеэкономического принуждения – психологическим прессингом, административным нажимом на колхозное руководство, судебными репрессиями. В 1933 г. административно-карательный аппарат советского государства в деревне был существенно усилен за счет политотделов МТС. Одной из основных задач этих чрезвычайных партийно-государственных органов управления являлось обеспечение выполнения колхозами заготовительных заданий. «Борьбу за хлеб» политотделы МТС начали уже весной, проведя тотальную чистку колхозов от «классово-чуждых элементов». В ходе посевной кампании 1933 г. в значительной мере с их подачи в Западно-Сибирском крае было привлечено к судебной ответственности и осуждено 3 292 чел., в т.ч. 852 должностных лица различного уровня. К осени этого года, по данным 63 политотделов МТС региона, из 1 242 председателей колхозов чистке и снятию с работы подверглись 593, или более 40%³².

Осенью карательная машина продолжала наращивать свои усилия. За преступления, связанные с хлебоуборкой (потери зерна и плохое качество уборки, «преступно-небрежное» использование уборочных машин, «хищническая эксплуатация рабочего скота» и др.), осудили 6 047 жителей края, в т.ч. 1 997 должностных лиц. В связи с хлебозаготовками (невыполнение закона об обязательных поставках, сдача недоброкачественного зерна, хищения, «спекуляция» хлебом, образование «преувеличенных» фондов и др.) было осуждено 9 836 чел., в т.ч. 1 358 должностных лиц³³.

Во время хлебозаготовительной кампании 1934 г. в целях усиления эффекта устрашения от применения судебных репрессий в Западно-Сибирском крае был максимально упрощен порядок судопроизводства. Дела о «саботаже» хлебозаготовок рассматривались на широко освещаемых в прессе выездных сессиях судов в срочном порядке, с вынесением предельно жестких приговоров. Апелляционные определения по ним принимались в очень короткие сроки. 19 сентября Р.И. Эйхе получил от ЦК ВКП(б) право рассматривать апелляционные жалобы осужденных к высшей мере наказания и лично санкционировать при-

ведение приговоров в исполнение³⁴. С 5 октября по 4 ноября 1934 г. только выездными сессиями краевого суда по ст. 58-14 УК РСФСР «за саботаж хлебосдачи» и закону от 7 августа 1932 г. за хищения зерна были осуждены 919 человек, из них 240 приговорили к расстрелу (124 осужденных расстреляли с санкции Р.И. Эйхе), 258 получили 10 лет лагерей, 139 – от 5 до 10 лет лагерей, 188 – срок от 1 года до 5 лет и 44 человека приговорили к исправительно-трудовым работам³⁵. Всего же с начала кампании по 1 ноября в Западно-Сибирском крае судами различных инстанций по делам, связанным с хлебоуборкой и заготовками, к различным мерам наказания было приговорено 7 962 человека. По ст. 61 УК РСФСР было осуждено 4 218 чел., в т.ч. 2 283 единоличника. По этой же статье за невыполнение заданий по зернопоставкам в административном порядке оштрафовали 19 470 единоличных хозяйств и 606 колхозов. При этом сумма штрафов, взысканная с единоличников, в 8 раз превышала сумму, полученную от колхозов³⁶.

Проводились в середине 1930-х гг. в регионе и внесудебные карательные акции. В начале октября 1934 г. бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) приняло решение «за срыв хлебоснабжения страны» распустить колхозы «Валгус» и «Красная дубрава» Калачинского района, а их членов выслать на спецпоселение. В конце мая 1935 г. из ряда районов края в нарымские комендатуры «за саботаж сева» выслали 588 семей единоличников (2 615 чел.). Осенью на спецпоселение было выслано до 500 хозяйств (в т.ч. не менее 150 колхозных), «*организующих саботаж и оказывающих сопротивление хлебопоставкам*»³⁷.

Однако в связи с тем, что массовые репрессии ослабляли колхозы, правящий режим пошел на относительное смягчение государственной политики в отношении колхозов и колхозников. В рамках реализации этого курса были упразднены терроризирующие крестьян политотделы МТС, снизился размах репрессий. В середине октября 1935 г. правоохранительные органы Западной Сибири получили директиву на сворачивание репрессивной деятельности в деревне. Основное внимание впредь следовало уделять агитационно-массовой и профилактической работе. Более того, органам юстиции было указано на необходимость массового прекращения возбужденных следственных дел по преступлениям, связанным с хлебосдачей, и пересмотра уже вынесенных судебных решений по ним³⁸. В соответствии с этим указанием кассационная коллегия краевого суда отменила или изменила в сторону смягчения наказания лиц в 37% дел из общего числа полученных ею на апелляционное рассмотрение. В итоге количество жителей деревни, осужденных в связи с уборкой и хлебозаготовками 1935 г., составило в

Западно-Сибирском крае 2 829 чел. При этом большую часть из них (1 540 чел.) составляли единоличники, осужденные за невыполнение обязательств по зернопоставкам. В 1936 – 1937 гг. интенсивность судебных репрессий продолжала снижаться. В ходе посевной кампании 1936 г. в крае осудили 1 743 чел., 1937 г. – 415 чел., уборочной и заготовительной – соответственно 1 576 чел. и 548 чел.³⁹

В 1937 г. ЦИК и СНК СССР отменили административный порядок наложения штрафов на колхозы, колхозников и единоличников и изъятия у них имущества в связи с невыполнением денежных налогов и большей части натуральных податей⁴⁰. Впредь совершать данные действия можно было только по решению суда. Применительно к продуктам полеводства в административном порядке по-прежнему разрешалось изымать только зерно в единоличных хозяйствах в случае невыполнения ими обязательств по хлебопоставкам. Суммы штрафов стали исчисляться исходя из стоимости несданных во время продуктов, определенной не по рыночным, а по государственным закупочным ценам. Судебное решение могло быть отменено, если недоимщик в течение десяти дней после его вынесения погашал задолженность.

В рамках реализации задачи организационно-хозяйственного укрепления колхозов в 1935 – 1937 гг. власти несколько раз снижали нормативные размеры хлебосдачи. В 1935 г. были несколько уменьшены погектарные нормы зернопоставок для колхозов Западной Сибири, не обслуживаемых МТС⁴¹. В декабре того же года был принят новый порядок определения урожайности колхозных полей (т.н. фактический метод), предусматривающий исключение из облагаемого валового сбора потерь, «не используемых в хозяйстве». Это привело к некоторому сокращению стоимости машинной обработки пашни⁴². В 1936 г. последовало более существенное снижение норм обязательных хлебопоставок⁴³. В 1937 г. в сторону уменьшения были пересмотрены расценки за работы МТС⁴⁴, а также еще раз снижены погектарные нормы хлебосдачи⁴⁵. Кроме того, в 1937 г. с колхозов списали недоимки и задолженности прошлых лет по зернопоставкам, ссудам и натуроплате, а также частично отсрочили возврат ими натуральных ссуд, полученных в 1937 г.⁴⁶

Несмотря на то, что нормы сдачи зерна во второй половине 1930-х гг. стали меньше, уровень податного обложения колхозов практически не снизился. Объяснение подобного парадокса заключается в постоянном увеличении объемов сельхозработ, выполняемых МТС. Их оплата «съедала» всю прибавку, которую хозяйства могли получить от уменьшения норм и расценок. Общие размеры натуроплаты постоянно

увеличивались. К концу 1930-х гг. она превратилась в основной канал поступления хлеба государству. В 1938/39 г. колхозы Омской области в счет натуроплаты сдали 449,5 тыс. т зерна, а в счет обязательных поставок – 272,1 тыс. т, колхозы Алтайского края – соответственно 551,2 тыс. и 351,1 тыс. т⁴⁷. При этом следует иметь в виду, что в соответствии с принятым порядком исчисления натуральной оплаты процент ее изъятия в хозяйствах, получивших более высокий урожай, был больше, чем в менее урожайных.

Наглядными показателями сверхнормативности податного обложения сельского хозяйства являлись рост недоимочности колхозов и невыполнение ими заготовительных планов. Так, несмотря на то, что в 1937 г. на территории Новосибирской области был получен самый высокий за все 1930-е гг. урожай зерновых (13,0 ц/га), недоимки колхозов по обязательным поставкам и натуроплате по итогам года составили 3,5 млн пудов. В следующем, 1938 г., при ненамного меньшем урожае (12,6 ц/га) их задолженность государству выросла до 8,4 млн пудов. В рекордно урожайном для Омской области 1938 г. (15,2 ц/га) годовой план хлебозаготовок по колхозно-крестьянскому сектору был выполнен на 92,2%. При этом основной недобор приходился на натуроплату (86,0% плана), тогда как по обязательным поставкам колхозы сдали 103,8% задания. В Алтайском крае в том же году выполнение годового плана хлебосдачи по колхозно-крестьянскому сектору составило 81,9% (в т.ч. по обязательным поставкам колхозами – 95,1, по натуроплате – 76,0)⁴⁸.

Естественно, что переобложение колхозов и связанный с этим низкий уровень оплаты труда их членов не создавали действенных стимулов для поступательного развития сельской экономики. В итоге поставленная во второй пятилетке задача в два раза увеличить выпуск продукции сельского хозяйства осталась нереализованной.

Ставшее систематическим невыполнение планов производства и заготовок сельхозпродуктов вызывало крайне негативную реакцию руководства страны. Тем более, что бесперебойное поступление продовольствия в государственный фонд стало особенно важным именно в конце 1930-х гг., когда готовящаяся к войне правящая верхушка страны проводила новый виток индустриализации, а точнее, милитаризации экономики. Все это требовало значительного роста объемов заготовок.

Данная задача, в первую очередь, решалась традиционным для сталинского режима способом – расширением масштабов репрессий. Так, на 15 октября 1938 г. в Новосибирской области по делам, связанным с уборкой урожая и хлебопоставками, было осуждено 462 чел. (на ту же

дату 1937 г. – 238 чел.). Абсолютно большая часть дел рассматривалась выездными сессиями на открытых показательных процессах, которые широко освещались в прессе. К высшей мере наказания приговорили 28 осужденных (в 1937 г. – 2 чел.), более половины из них являлись должностными лицами, прежде всего, председателями колхозов (53 чел.) и бригадирами (94 чел.)⁴⁹. Помимо репрессий власти широко использовали всю гамму административных методов воздействия на деревню, стремясь таким образом поднять производительность колхозного труда.

Усилился нажим на региональные власти. За срыв выполнения заготовительных заданий стали наказываться не только районные начальники, что было обычным явлением, но и первые лица краев и областей Сибири. В декабре 1938 г. пленум Омского обкома ВКП(б), обсудив итоги сельскохозяйственного года и констатируя невыполнение плана хлебосдачи, решил снять со своего поста первого секретаря обкома Ф.П. Наумова. В феврале 1939 г. в связи с тем, что край не выполнил план хлебозаготовок и хлебозакупа, аналогичное решение принял пленум Алтайского крайкома компартии в отношении своего первого секретаря Л. Гусева⁵⁰.

Действенным стимулом роста объемов заготовок руководство страны считало увеличение их планов. Чтобы добиться этого, в 1939 г. были изменены нормативы исчисления натуроплаты. Для повышения ее размеров правительство пересмотрело порядок определения урожайности колхозной нивы, которая теперь стала устанавливаться непосредственно на поле перед началом уборки (т.н. биологический метод)⁵¹. При этом потери, зависящие от погодных условий и несовершенства техники и «не используемые в хозяйстве», из определенного таким образом урожая не исключались. «Биологическая» урожайность зерновых приблизительно на 6–8% превосходила исчисленную по действующему в 1935 – 1938 гг. «фактическому» методу⁵², что позволило повысить величину натуроплаты, не изменяя ее расценок. Кроме этого, упразднился первый разряд урожайности по зерновым культурам (менее 3 ц/га) и вводился новый, в который включались колхозы, получившие более 15 ц с га⁵³. Естественно, что расценки за работы МТС для хозяйств, причисленных в новый разряд, были больше, чем в бывшем седьмом, который теперь стал шестым (от 13 до 15 ц/га). Таким образом, увеличивалось обложение как низкоурожайных, так и высокоурожайных колхозов. Новацией 1939 г. также стало введение пени, начисляемой за просрочку своевременной сдачи натуроплаты⁵⁴.

В итоге в 1939/40 г. на Алтае в условиях более низкого, чем в предыдущем году, урожая удалось увеличить поступление зерна в счет натуроплаты на 22% (при выполнении годового плана ее сбора на 78,1%). Обязательные поставки при этом никакой прибавки не дали. В целом выполнение годового плана централизованных хлебозаготовок по колхозно-крестьянскому сектору в 1939/40 г. составило в Алтайском крае 82,8%, в Омской области – 81,6%. Недоимки по обязательным поставкам и натуроплате в Новосибирской области выросли до 13,3 млн пудов⁵⁵.

Несмотря на подобные результаты заготовок, правящий режим продолжил политику усиления податного обложения растениеводства и в начале 1940-х гг. При этом ставка была сделана на увеличение перечня культур, подлежащих обязательным поставкам государству, и наращивание их нормативных размеров. Тем более, что колхозное руководство всегда считало выполнение госпоставок своей первоочередной задачей, отодвигая сдачу продукции по остальным видам натуральной податей на второй план.

Порядок обложения животноводства.

Упразднение контрактационной системы заготовок продуктов животноводства началось раньше, чем это было сделано по отношению к основным видам продукции полеводства. В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК от 23 сентября 1932 г. «О мясозаготовках» с начала следующего месяца началось вручение колхозам, колхозным дворам и единоличным хозяйствам «имеющих силу налога» обязательств по поставкам (сдаче) мяса государству⁵⁶. В декабре 1932 г. было принято решение о переходе к поставкам молока⁵⁷, а в марте 1933 г. – шерсти⁵⁸. Кроме того с 1933 г. перестала осуществляться контрактация яйца, кожевенного сырья и овечьего молока для его переработки на брынзу. Заготовка указанных продуктов осуществлялась в рамках централизованных государственных и децентрализованных закупок, проводимых потребкооперацией и перерабатывающими предприятиями.

Принятые в 1932 – 1934 гг. в связи с переходом к системе **обязательных поставок** мяса, молока и шерсти законодательные и подзаконные акты установили следующий порядок их взимания⁵⁹. Размеры поставок молока и шерсти для всех категорий сдатчиков, а также мяса для колхозов исчислялись по годовым порайонным нормам сдачи с наличного поголовья. Размеры нормативной сдачи шерсти устанавливались по каждому типу овец (грубошерстных, полугрубошерстных и тонкорунных) и по сезонам стрижки (весенняя, осенняя) в отдельности.

Кроме того, определялись нормы поставок шерсти и пуха коз. К мясопоставкам по порайонным нормам привлекались все колхозные дворы и единоличные хозяйства, *«независимо от их имущественного положения и от наличия в этих хозяйствах скота и птицы»*. Если таковые у них отсутствовали, мясо следовало купить у соседей или на рынке, а затем сдать государству. В этом случае власти рекомендовали бесскотным дворам коллективную покупку и сдачу скота. Порайонные нормы утверждались край- и облисполкомами, которые, в свою очередь, руководствовались региональными нормами, определенными органами верховной власти страны.

Единоличники получали большие задания по поставкам, чем колхозники, а для хозяйств, отнесенных к категории кулацких, эти задания увеличивались в полтора—два раза. Для членов колхозов с товарными фермами предусматривались меньшие нормы сдачи или скидки с них. В то же время натуральное обложение колхозов по молоку и шерсти по сравнению с индивидуальным сектором сельской экономики было более высоким⁶⁰. От поставок освобождались не имеющие полевых посевов и не облагаемые сельхозналогом рабочие и служащие. Позднее к ним добавились пенсионеры, инвалиды войны и труда, жены военнослужащих с детьми до 7 лет, семьи колхозников и единоличников, нетрудоспособных в виду преклонного возраста⁶¹.

Регламентировалось качество поставляемой продукции. Фальсификация молока преследовалась в уголовном порядке. В тех районах, в которых отсутствовали маслозаводы и сыроварни, допускалась сдача вместо молока топленого масла. Колхозам разрешалось заменять поставки мяса КРС мясом мелкого скота, а поставки говядины – бараниной. В то же время замена свинины каким-либо другим мясом запрещалась. Колхозники и единоличники могли выполнять свои обязательства по мясопоставкам любым видом скота и птицы, но при этом только в «живом виде».

Поставки продуктов животноводства должны были осуществляться в определенные для каждого вида календарные сроки⁶². Несвоевременное выполнение заготовительного задания наказывалось в административном порядке денежным штрафом в размере рыночной стоимости недоимки и «принудительным» взысканием недовыполненной части обязательств (по мясу и шерсти – из наличной продукции, по молоку – из надоев следующего месяца). Повторная недоимка грозила новым штрафом и привлечением к судебной ответственности по ст. 61 УК РСФСР. Конфискация в индивидуальных хозяйствах в счет погашения недоимки единственной коровы или телки осуществлялась только по

решению райисполкома, после которого недоимщику предоставлялось еще 48 часов на выполнение обязательств.

Законодательство в категорической форме запрещало «давать дополнительные или встречные планы» хозяйствам, досрочно выполнившим свои обязательства по поставкам продукции. Однако в реальной действительности наложение дополнительных планов по заготовкам продуктов животноводства, хотя и в меньших масштабах, чем в отношении зерновых, продолжалось. На районы, а затем сельсоветы разверстывались задания по сверхплановой сдаче молока, которая поощрялась продажей по государственным ценам дополнительного количества промтоваров. До сельсоветов также доводились задания по государственным закупкам мяса, молока и шерсти, которые вела потребительская кооперация.

В 1935 – 1938 гг. в порядок обязательных поставок продуктов животноводства был внесен ряд изменений. В 1935 г. перестали действовать установленные для членов колхозов, располагающих товарными фермами, специальные нормы сдачи молока, а в 1936 г. – мяса. Впредь им предоставлялась 15-процентная скидка от объема обязательств по молоку и 5-процентная – по мясу. При этом потери от снижения размеров сдачи личными хозяйствами должны были компенсироваться за счет поставок с колхозных ферм⁶³.

С 1935 г. овцеводческими фермами стала возмещаться скидка, предоставляемая колхозникам по поставкам шерсти, а с 1936 г. к обязательной сдаче шерсти по нормам, принятым для членов колхозов, начали привлекаться имеющие «шерстяное поголовье» хозяйства проживающих в сельской местности рабочих и служащих⁶⁴.

В 1937 г. скидку перестали увязывать с увеличением объемов сдачи молока молочно-товарными фермами, но снизили ее до 10%. С 1938 г. льготное исчисление его поставок членами колхозов поставили в зависимость от поголовья продуктивного скота в колхозах: 20% – от нормативного размера сдачи при наличии на ферме от 5 до 15 коров, 30 – от 16 до 25 коров, 50 – от 26 до 50 коров и 60% – при наличии на ферме свыше 50 коров⁶⁵.

В 1937 г. объемы обязательств колхозов по сдаче мясопродуктов начали исчислять не по наличному, а по плановому поголовью. Скот, который хозяйство имело сверх установленного для него государственным планом количества, от обложения освобождался. В этом же году были снижены нормативные размеры обложения поголовья КРС и овец в колхозах⁶⁶, а также установлена единая для всех регионов страны норма мясопоставок единоличными хозяйствами – 60 кг в год⁶⁷.

Кроме того, в 1937 г., как указывалось выше, изменился порядок наложения штрафов на колхозы, колхозников и единоличников и конфискации у них имущества в связи с невыполнением налогов и большей части натуральных податей. Применительно к продуктам животноводства административному изъятию, как в хозяйствах единоличников, так и в хозяйствах колхозников, в случае невыполнения обязательств по поставкам подлежало только мясо. При этом в погашение недоимок запрещалось изымать единственную корову, а при ее отсутствии – единственную телку⁶⁸.

Изменения порядка налоговых заготовок продукции животноводства и полеводства в конце 1930-х гг. должны были создать условия для ускорения развития сельского хозяйства. Однако ожидаемого эффекта они не дали. Лидеры правящего режима увидели причину низких темпов развития отрасли в несовершенстве системы его налогово-податного обложения и с 1939 г. приступили к ее реформированию.

¹ Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 января 1933 г. «Об обязательной поставке зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами» (СЗ СССР. 1933. № 4. Ст. 25); от 20 февраля 1933 г. «Об обязательной поставке подсолнуха государству колхозами и единоличными хозяйствами» (Там же. № 13. Ст. 73); от 20 февраля 1933 г. «Об обязательной поставке картофеля государству колхозами и единоличными хозяйствами» (№ 13. Ст. 74); от 20 июня 1933 г. «Об обязательных поставках зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами из урожая 1933 года на основе закона от 19 января 1933 г.» (№ 38. Ст. 228); от 3 апреля 1934 г. «Об обязательных поставках зерна государству с приусадебных посевов колхозников» (1934. № 18. Ст. 13); утвержденная СНК СССР 27 февраля 1933 г. «Инструкция об обязательной поставке зерна колхозами и единоличными хозяйствами» (№ 16. Ст. 95); утвержденная СНК СССР 16 марта 1933 г. «Инструкция по проведению в жизнь закона об обязательных поставках картофеля государству». — Там же. № 22. Ст. 126.

² Объем сдачи «прочих» зерновых культур (овса, ячменя и др.) определялся путем вычитания из установленного колхозу объема поставок зерновых культур в целом отдельных заданий по пшенице, ржи, бобовым, гречихе и просу.

³ На 1933 г. норма сдачи зерна для колхозов Западно-Сибирского края, которые обслуживались МТС, составляла 2,1 ц с каждого гектара запланированного посева, подсолнечника – 1 ц/га, картофеля – 8 ц/га, а для колхозов, не обслуживаемых МТС, – соответственно 2,5 ц, 1,2 ц, 11 ц с га. Нормы поставок картофеля единоличниками края в том же году составляли 14 ц/га, колхозными дворами – 12 ц/га. Размеры сдачи зерна единоличными хозяйствами должны были на 5–10%, а подсолнечника – на 10–15% превышать колхозные.

⁴ СЗ СССР. 1936. № 40. Ст. 336.

⁵ Термин «первая заповедь» был введен в политический лексикон И.В. Сталиным в своей речи на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г., указавшим деревенским функционерам: *«Не заслоняйте своего внимания заботой о фондах и запасах всякого рода, не отвлекайтесь от главной задачи, разверните хлебозаготовки с первых же дней уборки и форсируйте их, ибо первая заповедь (подчеркнуто мной. — В.И.) – выполнение плана хлебозаготовок, вторая заповедь – засыпка семян, и только после выполнения этих условий можете начать и развертывать колхозную торговлю хлебом»*. — Правда. 1933. 17 янв.

⁶ На 1933 г. колхозам Западно-Сибирского края установили следующие сроки сдачи хлеба: в августе – 5% от объема годовых обязательств, в сентябре – 20, в октябре – 35, в ноябре – 30, в декабре – 10%; подсолнечника: в сентябре – 5%, в октябре – 35, в ноябре – 35, в декабре – 25%. Сроки поставок картофеля были одинаковыми для всех категорий сдатчиков: в сентябре – 30%, в октябре – 60, с 1-го по 15-е ноября – 10% от объема годовых обязательств. Единоличникам надлежало выполнять свои обязательства по сдаче хлеба и подсолнечника в полном объеме до 1 ноября.

⁷ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 июня 1933 г. «О порядке выдачи авансов». — РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 2039, л. 60.

⁸ В начале 1938 г. Комитет по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК СССР был преобразован в Наркомат.

⁹ См.: постановления СНК СССР от 7 февраля 1933 г. «О посевных площадях и контрактации табака и махорки урожая 1933 года» (СЗ СССР. 1933. № 10. Ст. 51); от 16 февраля 1933 г. «О контрактации сахарной свеклы в 1933 году» (Там же. 1933. № 12. Ст. 68); от 26 февраля 1933 г. «О контрактации льна и конопли урожая 1933 года» (№ 52. Ст. 302); от 11 марта 1933 г. «О контрактации овощей урожая 1933 года» (№ 19. Ст. 111); от 29 мая 1934 г. «О сенокосении и сеноуборке в 1934 году». — Там же. 1934. № 32. Ст. 238; и др.

¹⁰ См.: постановление СНК СССР от 7 декабря 1934 г. «Об отмене карточной системы по печеному хлебу, муке и крупе и системы отоваривания хлебом технических культур». — СЗ СССР. 1934. № 61. Ст. 445.

¹¹ СЗ СССР. 1933. № 39. Ст. 234.

¹² Постановление ЦИК и СНК СССР от 21 сентября 1935 г. «О признании контрактационных договоров имеющими силу закона и об ответственности за нарушение этих договоров». — Там же. 1935. № 51. Ст. 422.

¹³ Ст. 112 УК РСФСР предусматривала лишение свободы на срок не менее двух лет за *«злоупотребление властью, превышение или бездействие власти и халатное отношение к служебным обязанностям, если в результате их последовал развал руководимого должностным лицом центрального аппарата управления или таких же хозяйственных государственных аппаратов производства, торговли, кредита и транспорта»*. *«Во всех остальных случаях злоупотребления властью или служебным положением, превышения власти или служебных полномочий, бездействия власти и халатного отношения к обязанностям»*, которые не подпадали под вышеуказанные признаки, а также под действия, предусмотренные другими статьями Уголовного кодекса, виновные могли быть приговорены к исправительно-трудовым работам на срок до одного месяца, возмещению причиненного ущерба,

увольнению, запрету на срок до двух лет занимать руководящие должности. Им также могли объявить «общественное порицание». — Уголовный кодекс. М., 1953. С. 39.

¹⁴ СЗ СССР. 1933. № 4. Ст. 25.

¹⁵ Порядок сбора гарнца в середине 1930-х гг. регулировался постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 сентября 1932 г. «О гарнцевом сборе» (Там же. 1932. № 71. Ст. 436) и постановлением ЦИК и СНК СССР от 9 января 1933 г., вносившим частичные изменения в предыдущий законодательный акт. — Там же. 1933. № 2. Ст. 9

¹⁶ ЦДНИОО, ф. 3057, оп. 1, д. 204, л. 31.

¹⁷ Первоначально для проведения закупок хлеба от имени государства было создано всесоюзное объединение «Закупхлеб». Однако в связи с отсутствием у этой организации собственной заготовительной сети, она действовала через контрагентов, наиболее крупными из которых являлись «Заготзерно» и Центросоюз. В соответствии с постановлением СНК СССР от 3 августа 1933 г. «Закупхлеб» ликвидировался, а проведение закупок было полностью возложено на потребкооперацию. — СЗ СССР. 1933. № 50. Ст. 246.

¹⁸ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 января 1934 г. «О закупке хлеба системой потребительской кооперации». — Там же. 1934. № 5. Ст. 37.

¹⁹ Ильиных В.А. Осень 1935 года: ликвидация крестьянства как класса продолжается // Изв. Сиб. отделения РАН. История, филология и философия. 1993. Вып. 2. С. 58–59.

²⁰ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2. Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930 – 1941 гг. Новосибирск, 2002. С. 247.

²¹ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8 августа 1933 г. «О порядке засыпки фондов для нужд колхозов и распределения зерна между колхозниками по трудодням». — СЗ СССР. 1933. № 49. Ст. 286.

²² Постановление СНК СССР от 5 февраля 1933 г. «О примерном договоре МТС с колхозами». — Там же. 1933. № 9. Ст. 47.

²³ Постановление СНК СССР от 17 февраля 1934 г. «О примерном договоре машинно-тракторной станции с колхозами» (Там же. 1934. № 11. Ст. 68). По зерновым культурам и подсолнечнику были установлены следующие разряды урожайности: 1-й – менее 3 ц/га, 2-й – от 3-х до 5-ти, 3-й – от 5-ти до 7-ми, 4-й – от 7-ми до 9-ти, 5-й – от 9-ти до 11-ти, 6-й – от 11-ти до 13-ти, 7-й – свыше 13 ц/га.; по картофелю: 1-й – менее 30 ц/га, 2-й – от 30 до 50, 3-й – от 50 до 70, 4-й – от 70 до 90, 5-й – от 90 до 110, 6-й – свыше 110 ц/га; по свекле: 1-й – менее 80 ц/га, 2-й – от 80 до 100, 3-й – от 100 до 120, 4-й – свыше 120 ц/га; по льну: 1-й – менее 1 ц/га, 2-й – от 1 до 2, 3-й – свыше 2 ц/га. Чем выше был разряд, тем больше объем натуроплаты. Полный цикл работ стоил меньше, чем составляющие его операции в отдельности.

²⁴ Колхозы вне зависимости от урожайности обязывались сдать в счет натуроплаты 8% зерна, намолоченного молотилками МТС, и 11% – убранный и намолоченного комбайнами. Полный цикл сельхозработ, выполненных МТС, по зерновым культурам стоил колхозу первого разряда урожайности 13 кг + 8% объема намолота стационарными молотилками, или 11% объема комбайнового намолота. — Там же.

- ²⁵ При комбайновой уборке «технически неизбежные потери» зерновых устанавливались в размере 3–4% от урожая на корню, при уборке лобогрейками – 7–8%. Т.н. возвратные потери (в колосе, соломе, отходах) «неизбежными» не признавались и полностью включались в размеры определенной урожайности. — Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926 – 1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 473–474.
- ²⁶ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 25 июня 1933 г. «Об оплате натурой работ, произведенных МТС по договорам с колхозами». — СЗ СССР. 1933. № 39. Ст. 234.
- ²⁷ В 1933 г. колхозы Сибири обязывались рассчитаться за работы МТС, произведенные до начала обмолота зерна, до 25 сентября т.г., а за работы, выполненные после начала обмолота, – в течение пяти дней после предъявления счета. (Там же). В 1934 г. оплатить работы МТС, произведенные до начала хлебоуборки, следовало в течение месяца после ее начала, а за последующие работы – в течение десяти дней после предъявления счета. — Там же. 1934. № 11. Ст. 68.
- ²⁸ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2. С.246.
- ²⁹ Там же. С. 88; ЦДНПО, ф. 3057, оп. 1, д. 103, л. 79.
- ³⁰ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2. С. 121.
- ³¹ Там же. С. 98.
- ³² ГАНО, ф. Р-1027, оп.1, д.48, л.5; Шевляков А.С. Политотделы МТС и совхозов. Чрезвычайные партийно-государственные органы управления в сельском хозяйстве Западной Сибири в 1930-е годы. Томск, 2000. С. 80.
- ³³ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2. С. 82.
- ³⁴ Там же. С. 103, 106, 111, 115, 119–120, 129–130.
- ³⁵ Ильиных В.А., Кавцевич О.К. «Расстрельное дело» 1934 из фондов ГАНО // Новосибирский архивный вестник. № 10. Новосибирск, 2002. С. 56, 57.
- ³⁶ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2. С. 205, 84.
- ³⁷ Там же. С. 113, 203–204; Красильников С.А. Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 108–111.
- ³⁸ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2. С. 217–218.
- ³⁹ Там же. С.131.
- ⁴⁰ СЗ СССР. 1937. № 30. Ст. 120.
- ⁴¹ Погектарные нормы для данной категории колхозов были снижены с 2,5 до 2,4 ц/га. — Там же. 1935. № 16. Ст. 126.
- ⁴² В отличие от отмененного «нормально-хозяйственного» метода урожайность по новому методу определялась следующим образом: к отчетным данным колхозов о размерах обмолота с одного гектара добавлялась поправка на недоучет, а также потери, «используемые в хозяйстве» (зерно, оставленное в колосе, на стерне, используемой под выпас скота; зерно, оставленное в соломе и мякине, используемых на корм скоту и птице; похищенное зерно, зерно, сверх установленных норм израсходованное на натуральное авансирование колхозников или общественное пи-

тание). В то же время при определении урожайности не учитывались потери, «не используемые в хозяйстве» (самоосыпание зерна на корню вследствие перестоя хлебов, потери при перевозке снопов на тока, при копнении и скирдовании, зерно, оставленное в стерне, соломе или мякине, но не использованное на корм скоту). Установленная таким образом урожайность была меньше «нормально-хозяйственной». — Гуцин Н.Я. Сибирская деревня... С. 474.

⁴³ Погектарные нормы хлебосдачи для колхозов Западной Сибири, обслуживаемых МТС, были снижены до 1,5 ц/га, для прочих колхозов – до 2,2 ц/га. — СЗ СССР. 1936. № 13. Ст. 108.

⁴⁴ В соответствии с расценками натуроплаты за работы МТС, введенными в марте 1937 г. (об отмененных расценках см. выше), весновспашка для колхозов Западной Сибири, отнесенных к первому разряду урожайности, стоила 9 кг за каждый гектар обработанной пашни, для колхозов седьмого разряда – 130 кг (по ранее действующим расценкам – соответственно 10 и 145 кг). За молотьбу стационарными молотилками МТС колхозы отдавали 7% намолоченного зерна, за молотьбу комбайнами – 9% (8 и 11%). Что же касается оплаты полного цикла сельхозработ, то ее размеры различались в зависимости от того, использовались ли при этом комбайны. При условии проведения уборки и обмолота комбайнами полный цикл сельхозработ обходился колхозу первого разряда урожайности в 9 кг с каждого га обработанной площади + 9% от намолота, колхозу седьмого разряда – в 128 кг + 9%. Для колхозов, в которых комбайны не применялись, полный цикл сельхозработ при условии их отнесения к первому разряду стоил 13 кг + 7% от намолота, к седьмому разряду – 170 кг + 7%. До принятия этих правил оплата полного цикла была единой и составляла 13 кг для хозяйств, отнесенных к 1-й группе, и 190 кг – для хозяйств седьмой группы. К этому добавлялось 8 или 11% от намолота. (Там же. 1934. № 11. Ст. 68; 1937. № 21. Ст. 28). В июле 1937 г. расценки для колхозов региона были еще раз снижены и составляли за полный цикл сельхозработ при условии комбайноуборки для хозяйств первого и седьмого разрядов – соответственно 7 и 105 кг + 8% от намолота, для хозяйств тех же разрядов, в которых комбайны не применялись, – соответственно 11 и 146 кг + 7% от намолота. — Советская Сибирь. 1937. 8 июля.

⁴⁵ В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 5 июля 1937 г. погектарные нормы для колхозов Западно-Сибирского края, которые обслуживались МТС, были снижены до 1,3 ц/га, для прочих – до 1,7 ц/га. — Советская Сибирь. 1937. 8 июля.

⁴⁶ 20 марта 1937 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановили списать со всех колхозов страны недоимки по зернопоставкам 1936 г. (СЗ СССР. № 21. Ст. 79). 5 июля того же года ЦК ВКП(б) и СНК приняли специальное постановление по Западно-Сибирскому краю, в соответствии с которым с колхозов края списывалась большая часть задолженностей по натуральным ссудам и натуроплате. — Советская Сибирь. 1937. 8 июля.

⁴⁷ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2. С. 247, 248.

⁴⁸ Гуцин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935 – 1941). Новосибирск, 1975. С. 137, 149; Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2. С. 244, 247, 248.

⁴⁹ См. Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2. С. 227–232.

⁵⁰ ЦДНИОО, ф. 17, оп. 1, д. 1491, л. 178; ЦХАФАК, ф. П-1, оп. 1, д. 218, л. 30.

⁵¹ СП СССР. 1939. № 33. Ст. 231.

⁵² Рассчитано по данным: Вылцан М.А. Методы исчисления производства зерна в 1933 – 1940 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965. М., 1970. С. 480, 481. «Биологическая» урожайность и исчисленный на ее основе валовой сбор не менее чем на четверть превышали амбарный урожай. — Гушин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири... С. 138.

⁵³ СП СССР. 1939. № 4. Ст. 13.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2. С. 243, 247, 248.

⁵⁶ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 сентября 1932 г. «О мясозаготовках». — СЗ СССР. 1932. № 70. Ст. 418.

⁵⁷ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 декабря 1932 г. «О заготовках молока, масла и сыра» — Там же. № 82. Ст. 500.

⁵⁸ Постановление СНК СССР от 10 марта 1933 г. «Об обязательной поставке шерсти государству и плане заготовок шерсти в 1933 году». — Там же. 1933. № 18. Ст. 101.

⁵⁹ См. вышеуказанные постановления о переходе к поставкам мяса, молока и шерсти; постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 августа 1933 г. «Об обязательной поставке мяса государству в 1934 году» (Там же. 1934. № 55. Ст. 323), от 23 ноября 1933 г. «Об обязательной поставке молока государству в 1934 году» (№ 68. Ст. 406), СНК СССР от 15 января 1934 г. «Об обязательной поставке шерсти государству в 1934 году» (1934 № 4. Ст. 34); утвержденные СНК СССР Инструкции о порядке поставок шерсти (1933. № 22. Ст. 127), мяса (1934. № 46. Ст. 362) и молока. — Там же. 1934. № 60. Ст. 439.

⁶⁰ В 1934 г. в Западно-Сибирском крае были установлены следующие средние годовые размеры поставок молока для единоличников – 280 л, членов колхозов с молочно-товарными фермами – 180 л и без таковых – 220 л, колхозов – 580 л с наличной коровы; мяса для единоличников – 50 кг, членов колхозов с товарными фермами – 25 кг и без таковых – 32 кг с двора. В колхозах норма обложения мясopоставками одной наличной головы КРС составляла 30 кг, одной свиноматки – 120 кг, одной овцематки или козы – 8 кг. Индивидуальные хозяйства должны были в год сдать 630 г «грубой», 2 300 г «полугрубой» шерсти, тонкорунной – 4 500 г с каждой взрослой овцы и 400 г с козы. Для членов колхозов с овцеводческими товарными фермами предоставлялась скидка в 20% от нормы. Для колхозов норма сдачи «грубой» шерсти составляла 1 000 г, «полугрубой» – 2 050 г, тонкорунной – 5 000 г с каждой взрослой овцы, 350 г шерсти и 85 г пуха с козы.

⁶¹ СЗ СССР. 1936. № 40. Ст. 336; № 60. Ст. 439; Ст. 452; СП СССР. 1938. № 1. Ст. 4.

⁶² В 1934 г. в Восточно-Сибирском крае были установлены следующие сроки сдачи мяса: для индивидуальных сдатчиков – 40% от объема годового обязательства в 1 квартале, 10 – во 2-м, 20 – в 3-м, 30% – в 4-м квартале; для колхозов по говядине – соответственно 35, 10, 25 и 30%, по свинине – 30, 15, 20 и 35%, по баранине – 25% в 1-м, 35 – в 3-ем и 40% – в 4-м кварталах. Сроки сдачи молока и шерсти были

единицами для всех категорий сдатчиков: 10% годового объема молокопоставок следовало выполнить в 1-м квартале, 35 – во 2-м, 45 – в 3-м и 10% – в 4-м квартале. Шерсть от весенней стрижки надлежало сдать не позднее 1 августа, от осенней – не позднее 1 ноября.

⁶³ СЗ СССР. 1934. № 60. Ст. 439; 1936. № 42. Ст. 356.

⁶⁴ Там же. 1936. № 22. Ст. 203.

⁶⁵ Там же. 1937. № 71. Ст. 342.

⁶⁶ В Западно-Сибирском крае норма сдачи мяса с одной головы КРС была снижена с 30 до 15 кг, с одной овцематки – с 8 до 5 кг.

⁶⁷ СЗ СССР. 1936. № 42. Ст. 356.

⁶⁸ Там же. 1937. № 30. Ст. 120.